

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
ПРАВА И МОРАЛИ.
ИДЕИ Л. ПЕТРАЖИЦКОГО
В БИБЛЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ**

А. А. ФЕРЕНС-СОРОЦКИЙ*

В статье анализируются взгляды Л. И. Петражицкого на соотношения права и морали в библейском контексте. С библейских позиций имеется множество аргументов в пользу психологических теорий права, в особенности в Иоанна 1.1; Римлянам 7.7. Сам Петражицкий в своих работах обращался к анализу библейских текстов как Ветхого, так и Нового Завета. В статье показывается близость взглядов Петражицкого к правовому содержанию Священного Писания с протестантской теологией, в частности со взглядами Мартина Лютера. С библейских позиций критикуются предложенные Петражицким критерии разграничения права и морали, ныне весьма распространенные (Радбрух, Поляков). Критически анализируется идея Петражицкого о превалировании права над моралью, также ставшая среди юристов общепризнанной. В связи с этим взгляды Петражицкого сопоставляются с противоположными идеями по данному вопросу Питирима Сорокина. На примере правовой действительности современного Запада, практически воплотившего теоретические идеи разграничения, разведения, а по сути освобождения права от морали (Кельзен, Ллойд) показывается актуальность постулируемой Петражицким идеи взаимосвязи и взаимообусловленности права и морали, а также недопустимость их противопоставления и разрыва. В статье прослеживается взаимосвязь тенденции правовой защиты и легализации аморального и извращенного (разрушение семьи, гомосексуализм, самооскопление под фикцией «перемены пола») в правовой действительности современного Запада и в практике ЕСПЧ с воинствующим антихристианством и идеологией неомарксизма (Лукач, Грамши, Маркузе).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Петражицкий, право, мораль, Библия, библейские заповеди, христианство, неомарксизм.

FERENS-SOROTSKY A. A. ON CERTAIN ISSUES OF INTERRELATION BETWEEN LAW AND MORALITY. IDEAS OF L. I. PETRAŻYCKI IN THE CONTEXT OF THE BIBLE

The article analyzes the ideas of L. I. Petrażycki as regards the interrelation between law and morality in the context of the Bible. According to the Bible, there are many

* Ференс-Сороцкий Андрей Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса СПбГУ.

Ferens-Sorotsky Andrey Aleksandrovich — candidate of legal sciences, associate professor of the Department of Civil Procedure, St. Petersburg State University.

E-mail: gr_process@jurfak.spb.ru

© Ференс-Сороцкий А. А., 2014

arguments in favour of psychological theories of law, especially in John 1.1; to the Romans 7.7. Petrażycki in his works analyzed both the texts of the Old and the New Testament. The article shows the proximity of Petrażycki's views to the legal content of the Holy Bible with protestant theology, in particular with the views of Martin Luther. The criteria of distinction between law and morality proposed by Petrażycki (which are now wide spread, see Radbruch, Polyakov) are subject to criticism from the perspective of the Bible. Petrażycki's idea regarding law prevailing over morality, which has also become generally recognized among lawyers, is critically reviewed. In connection therewith, Petrażycki's views are compared to the opposite ideas of Pitirim Sorokin regarding this issue. On the example of the legal reality of the modern Western countries where the theoretical ideas of distinction, separation, and, in the essence, liberation of law from morality (Kelsen, Lloyd) have been implemented in practice, the article shows the urgency of Petrażycki's idea regarding interconnection and interdependence of law and morality, as well as unacceptability of contrasting and disrupting them. The article traces the interconnection between legal protection and legalization of the amoral and the distorted (family breakdown, homosexuality, self-castration under the fiction of sex reassignment) in the legal reality of the modern Western countries and in the practice of the European Court of Human Rights, on the one hand, and the militant Anti-Christianity and Neo-Marxist ideology, on the other hand (Lukács, Gramsci, Marcuse).

KEYWORDS: Petrażycki, law, morality, the Bible, biblical commandments, Christianity, Neo-Marxism.

Научное наследие Льва Петражицкого, несомненно, имеет общемировое историческое значение. Многие идеи ученого необычайно современны. Одной из ключевых тем русской философии права, нашедшей в работах Петражицкого оригинальную разработку, является, безусловно, тема взаимосвязи права и морали. На взгляд автора, это одна из ключевых (если не ключевая) проблем не только российского правоведения, но и всего российского общества, которое находится в состоянии «морального паралича».

Проблеме соотношения права и морали в библейском контексте, а также некоторым иным аспектам этой темы и будет посвящена данная статья.

Посмотреть на идеи Л. Петражицкого в библейском контексте необходимо. Такое обращение тем более правомерно, естественно и актуально, что сам Петражицкий на страницах своих работ прибегает к анализу юридических и нравственных постановлений Библии.¹ Психологическая теория права Петражицкого противостоит в известном смысле социологической юриспруденции, ибо видит центр правового в человеке, но не в человеке внешнем, человеке действующем, а во внутреннем человеке, человеке мыслящем и чувствующем.

В Библии говорится, что «вначале было Слово» (Иоанн. 1,1). Применительно к рассматриваемой проблематике этот текст можно истолковать не только в смысле онтологического происхождения всего сущего, в том числе и права, от Бога; в этих словах можно увидеть и примат духовного — мысли, слова, идеи, нормы, выраженной в мысли и словами, — над всем материальным, в том числе и фактическими действиями. Вначале

¹ См., напр.: *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства. СПб., 2000. С. 117–120.

складывается норма, и лишь затем начинается действие. Имеет ли то или иное действие правовое значение, нельзя сказать без предварительного формулирования правового текста. До формулирования нормы то или иное действие не осознается как правонарушающее или имеющее правовое значение. Об этом очень ярко пишет апостол Павел в Послании к Римлянам: «Но я не иначе узнал грех, как посредством закона. Ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: не пожелай (Исх. 20,17)». (Римл. 7,7); «...где нет закона, нет и преступления» (Римл. 4,15). Сам же правовой текст может быть формулирован не только непосредственно на бумаге, но вначале в некой глубине человеческой души, в том месте, которое Священное Писание зовет сердцем, сосредоточием наиболее глубоких мыслей и эмоций, а современная психологическая наука не вполне удачно называет подсознанием.² Апостол Павел прямо пишет о том, что язычники творили дела закона, потому что сам закон был написан у них в сердце: «...когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую...» (Римл. 2, 14–15). В Послании речь идет, конечно, о законе Божием, законе прежде всего нравственном, но таковы, несомненно, и общие закономерности формулирования любого закона, в том числе и человеческого, понимаемого как источник права. В этом библейском тексте видится достаточно сильный аргумент в пользу психологических теорий права. Правовой текст формулируется, существует именно в некоторых глубинах человеческой психики. Причем там норма выступает как протонорма, общая норма как права, так и морали, между ними нет еще строгой дифференциации.

В этом контексте очень верными представляются интуиции Петражицкого о глубокой взаимосвязи права и морали, нравственности, о принадлежности их к одному виду «этических эмоций».³

Наиболее популярным и общепризнанным открытием в этой области являются предложенные Петражицким критерии разграничения права и морали. Право по Петражицкому обладает императивно-атрибутивной природой, а мораль лишь императивной;⁴ право правомочивает другое лицо на требование должного, а мораль лишена права требования. Густав Радбрух, поясняя мысль Петражицкого, пишет: «...каждому, принимающему на себя правовое обязательство, всегда противостоит заинтересованное лицо, наделенное правом требования, лицо правомочное. Об исполнении же морального обязательства в отношении такого управомоченного лица речь может идти лишь символически, если обязывающийся несет его в своем сердце, если оно принято им перед Богом и перед собственной совестью, перед всем человеческим в себе, перед всем лучшим, что в нем есть. В правовой сфере можно говорить об “обязанности и долге”. Моральный же долг — (не долг и) не обязанность перед кредитором, а просто долг. Даже так называемые (моральные) обязательства в отношении других людей не являются таковыми в том смысле, что эти люди могут потребовать их исполнения. “Если тебя ударили по правой щеке, подставь левую, а если кто в споре потребует твое платье, отдай ему также пальто” — эта заповедь

² Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Наука и религия. Б. м., 2001. С. 160–187.

³ Петражицкий Л. И. Теория права и государства. С. 57.

⁴ Там же. С. 57–58.

не наделяет правом на пощечину и на чужое пальто. Ее цель — показать ничтожность, недействительность прав как с одной, так и с другой стороны».⁵

Представляется, что то разграничение между правом и моралью, которое стало общепризнанным вслед за Петражицким, не вполне верно. Моральные отношения так же связывают людей, как и правовые, и требования определенного поведения, предъявляемые на основании моральной нормы одним лицом к другому, встречаются сплошь и рядом в моральных отношениях. Это особенно ярко видно в семейных отношениях, которые в наибольшей степени регламентируются именно нормами морали. Христианская нравственность устанавливает достаточно жесткие требования в регламентации даже интимных отношений супругов. Апостол Павел в «Первом послании к Коринфянам» пишет: «Но во избежание блуда, каждый имей свою жену и каждая имей своего мужа. Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу. Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена. Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим» (1 Коринфянам 7. 2–5). Это, конечно, моральное, а не правовое требование, никаких санкций, кроме неблагоприятных последствий в виде саморазрушения брака из-за возможных супружеских измен нет. Однако это именно требование, которое один супруг предъявляет другому. Не случайно эти отношения, в которых каноническое право видит суть брака настолько, что брак при их отсутствии может быть признан недействительным, именуется иногда эвфемизмом, «исполнением супружеских обязанностей или супружеского долга». Не правы также Петражицкий и следующий за ним Радбрух, когда утверждают, что нельзя требовать соответствующего поведения на основании приводимых ими евангельских заповедей или что человек может только сам от себя этого требовать. Ничего подобного как в семейных, так и вообще в моральных отношениях не наблюдается. Так, строгие священники могут требовать от своих прихожан соответствующего Евангелию поведения: «Иди и примиришься с обидевшим тебя, первым попроси у него прощения; жена просит у тебя половину имущества — отдай ей две трети. А без этого можешь сюда не приходить: разрешения грехов не получишь и к Причастию я тебя не допущу». Такие указания вполне возможны в приходской практике Христианской Церкви.⁶

Неверно также утверждать, что «предметом воздействия морали является индивид с его побудительными мотивами, право же, наоборот, регулирует совместную жизнь людей, в которой его действие распространяется на внешнее (и лишь косвенно на внутреннее) поведение индивидов, но не их побудительные мотивы как таковые».⁷ Мораль, безусловно, регламентирует и совместную жизнь людей, а право обращено также и к индивиду с его побудительными мотивами. Отсюда важность проблемы вины, т. е. внутреннего отношения к преступному деянию, а также мотивов преступления, например в уголовном праве.

Все сказанное подтверждает давно утвердившуюся в русской правовой философии мысль о неразрывной связи, а порой и тождественности права и морали. Нормы права могут быть одновременно и нормами

⁵ Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 54.

⁶ См., напр.: Архимандрит Николаос Аркас. Брак и деторождение. Современные проблемы. М., 2000. С. 115.

⁷ Радбрух Г. Философия права. С. 53.

морали, как это совершенно правильно заметил Е. Н. Трубецкой.⁸ Норма «не убий» — это и правовая, и моральная норма. Обычно отмечают, что если правовая норма судит только деяние, то нравственная наряду с деянием судит и умысел на убийство, хоть и не осуществленный, а также и грубое слово: «Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий гневающийся на брата своего напрасно подлежит суду; кто скажет брату своему: “рака” (пустой человек) подлежит синедриону (Верховному суду); а кто скажет: “безумный”, подлежит геенне огненной». (Матф. 5, 21–22). Однако каноническое право Православной Церкви может осуждать и налагать канонические наказания также за греховные мысли (так называемые в православной аскетике «помыслы»). Так, Номоканон (Сборник правил о наказаниях за различные канонические преступления) Св. Иоанна Постника в правиле 5 предусматривает наказание за сочувствие греховным помыслам.

Нельзя сказать, что перечисленные моменты Л. Петражицкому были неизвестны. Ученый признает, что в области религиозных отношений возможны как правоотношения между Богом и людьми, например в постановлениях Ветхого Завета, так и чисто нравственные взаимоотношения, например в Евангельских постановлениях. «Но затем, и в средние века в христианскую религиозную психику проникают во множестве разные правовые элементы и средневековая, а отчасти и позднейшая христианская этика в значительной степени превращается в правовую этику с разными ее характерными свойствами (точной определенностью предметов обязанностей, казуистикой и т. д.)».⁹ Петражицкий оценивает эту метаморфозу явно отрицательно, и здесь тон его мыслей созвучен идеям Мартина Лютера, резко критиковавшего любые правовые элементы в религиозных отношениях, прямо называвшего церковное право проклятым и порожденным злым духом.¹⁰ Логика Лютера понятна: учреждая раскол в церкви, рассматриваемый церковным правом как тяжкое преступление, невозможно было увлечь своих последователей за собою, если предварительно не растоптать и не проклясть те правила, которые тебя осуждают, объявив их нехристианскими.

Петражицкий же не следует здесь своей логике, ибо совершенно неверно, правильно признавая Ветхий завет правовым актом, отказывать в этом качестве Новому завету.¹¹ Ведь Ветхий и Новый заветы соответствуют друг другу, как старый и новый договор, когда новый договор отменяет действия старого, заменяя его. В соответствии с логикой самого Петражицкого необходимо признать аналогичный правовой характер и Нового Завета.

Наиболее сильной стороной учения Петражицкого, которая в современном мире видится наиболее актуальной, была постулируемая им взаимосвязь и взаимообусловленность права и морали. В данном случае Петражицкий выступает чисто русским правовым философом, по-иному, творчески, но развивавший ту же тему, что и другие русские философы права, в том числе чисто религиозные, такие как В. С. Соловьев, И. А. Ильин, Н. Бердяев и др. В европейской правовой философии, несмотря на трагические события XX в., начиная с Г. Кельзена и Д. Лойда все более приобретал силу иной взгляд о полной разобщенности права и морали, их

⁸ Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права. СПб., 2005. С. 247.

⁹ Петражицкий Л. И. Теория права и государства. С. 120.

¹⁰ Лютер М. О свободе христианина. Уфа, 2013. С. 41, 50–54, 66–67.

¹¹ Петражицкий Л. И. Теория права и государства. С. 118–119.

противоположности и самостоятельности. Однако постулирование полного освобождения права от связи с моралью означает апологию аморального права. Что это неизбежно так, ярко демонстрирует практика современной правовой жизни в Европе и США. Европейское и американское право сегодня как будто ставит себе целью защитить и провозгласить правомерным все наиболее мерзкое, грязное, аморальное и извращенное. Так, в США за последние полстолетия, по свидетельству самих американцев, «Верховный суд США и его филиалы добились следующего:

— объявили порнографию и стриптиз в увеселительных заведениях конституционно охраняемыми способами самовыражения;

— объявили аборт конституционным правом каждой женщины и запретили защищать младенцев от жуткой процедуры, при которой младенческую головку пронзают ножницами;

— объявили гомосексуализм конституционным правом граждан.

Вместе с тем в американских школах были запрещены: добровольные молитвы и чтение Библии; плакаты с текстами Десяти заповедей; постановки пасхальных и рождественских живых картинок; учителям запретили появляться с нательными крестиками на виду. Американские школы оказались дехристианизированными не менее школ Советского Союза». ¹² Аналогичные процессы происходят и в Европе. Так, в 2013 г. во Франции, несмотря на многомиллионные протесты населения, был не просто легализован гомосексуализм (это дело далекого прошлого), но легализованы гомосексуальные «браки», на очереди удовлетворения требования этих «пар» предоставить им право усыновления детей. Европейское право не только легализует аморальность, но запрещает эту аморальность оценивать соответствующим образом либо свободно совершать свой моральный выбор. Существуют в Европе прецеденты привлечения к ответственности иерархов Христианских Церквей за оценку гомосексуализма как тяжкого греха. Уголовное дело было возбуждено против католического архиепископа Гента, травле подвергается православный иерарх митрополит Черногогорский Амфилохий. ¹³ Если европейские власти не останавливаются перед преследованием видных церковников, то простые приверженцы христианских ценностей почти беззащитны. В 2013 г. было обнародовано решение ЕСПЧ по делу *Чаплин и др. против Великобритании*, где граждане оспаривали запрет британских властей на демонстрацию своей приверженности к христианству путем публичного ношения нательного крестика. Право заявителей было защищено лишь в одном случае из четырех. ¹⁴ Было признано право больниц запрещать своим работникам носить нательные крестики, и не признано право граждан выбирать себе клиентов в зависимости от их сексуальных предпочтений (сексолог отказывался работать с клиентами-гомосексуалистами, так как считал бесперспективным лечить их расстройства, если их главный недуг в сексуальной области — гомосексуализм ими игнорируется; суд признал, что в данном случае нарушались права гомосексуалистов, хотя последние, естественно, могли воспользоваться услугами других врачей данной специальности). В подобных

¹² Бьюкенен П. Дж. Правые и не-правые. М., 2006. С. 296–298.

¹³ См., напр.: Александр Сорокин. Нарочницкая: «Агрессия со стороны политического гомосексуализма нарастает» // <http://www.pravoslavie.ru/smi/66134.htm> (дата доступа 26.11.13).

¹⁴ Страсбургский суд удовлетворил только один из четырех исков по нашумевшим делам о дискриминации христиан // <http://www.pravoslavie.ru/news/58833.htm> (дата доступа 26.11.13).

случаях для многих это будет означать запрет на профессиональную деятельность, которой они занимались многие годы, если они не готовы поступиться своими моральными и религиозными убеждениями. В Англии было закрыто последнее католическое агентство по усыновлению за отказ работать с гомосексуальными клиентами. В США была отчислена из университета студентка за признание в частном разговоре, что она считает гомосексуализм грехом, ибо так говорится в Библии. В Бельгии (Брюссель) едва не был привлечен к уголовной ответственности православный священник за отказ крестить мужчину-трансвестита в качестве женщины. Называя вещи своими именами, приходится констатировать, что Европа стоит накануне правовых гонений на христиан. Ситуация беспрецедентна, ибо если в XX в. в России и в меньшей степени в нацистской Германии христианство, как ранее и в Древнем Риме, подвергалось жестоким гонениям, то в вину им ставилась нечестность власти, а не их моральные воззрения как таковые. В СССР, естественно, не приветствовали бы ношение работником государственного учреждения (больницы) нательного крестика, однако ни закона, ни судебного решения, прямо запрещающих это, принято бы не было, советские власти постеснялись бы. Европейские власти уже не стесняются. В Бельгии, где, по статистике, 75 % населения католики, в 2013 г. законодательно было официально запрещено даже наименование «Рождество Христово» и «Пасха»! Вот это очень похоже на ранние деяния советской власти, что и не удивительно, ибо за всеми этими решениями стоит левацкая неомарксистская идеология новых левых.

Большинство бывших советских и постсоветских интеллектуалов молчат об идеологии новых левых, неомарксистов, поэтому имеет смысл об этом упомянуть, тем более что даже те, кто об этом узнает, не верят в реальность этих угроз.¹⁵ Для нас развитие марксизма по-прежнему ассоциируется с ленинизмом и деятельностью идеологов большевизма. Однако на Западе были и другие идеологи, весьма творчески «поправившие» марксизм. Дьердю Лукачу, бывшему комиссару по культуре в революционном правительстве Бела Куна, принадлежит идея культурного терроризма, существенной частью которого являлась пропаганда сексуальной распущенности среди женщин и детей путем всеохватывающего «сексуального просвещения», внушения мыслей об отмирании института буржуазной семьи и моногамии как таковой, с целью разрушения буржуазной семьи — основы западной христианской культуры. Другим основоположником неомарксизма является итальянский коммунист Антонио Грамши, который предложил иную последовательность в подготовке перманентной революции марксистского толка. Вначале необходима культурная революция, направленная на уничтожение христианской культуры Запада, после чего власть сама придет к коммунистам в руки, возможно бескровно. Для этого необходим захват командных высот в буржуазной культуре: постепенное и тайное овладение средстами массовой информации, культуры и образования путем тесного союза со всеми, кто отрицает христианство, буржуазную культуру и имеет влияние на умы молодежи. Молодежь, воспитанная в новой культурной парадигме, лишенная твердых нравственных ориентиров, — вот новый революционный класс. Место новой партии большевиков как передового отряда революции займут радикальные молодежные группировки, феминистки, гомосексуалисты, наркоманы и прочие маргиналы

¹⁵ См., напр.: Андрей Столяров. Сумерки богов // Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. СПб., М., 2003. С. 417–418.

западного общества. Тактику овладения буржуазной культурой, а также основные «идеи-молоты», ее разбивающие, были отшлифованы деятелями так называемой «франкфуртской школы»: Максом Хоркхаймером, Теодором Адорно, Эрихом Фроммом, Вильгельмом Райхом, Гербертом Маркузе.¹⁶ Патрик Бьюкенен в конце XX в. констатирует: «Нельзя отрицать, что Лукач, Грамши, Адорно, Маркузе и франкфуртская школа оказали огромное влияние на культурную и интеллектуальную историю Америки... Их идеи восторжествовали».¹⁷ Сказанное можно перенести на Запад в целом. Перечисленные выше факты не вызывают в этом сомнения. Можно себе представить, как бы отнесся к этому торжеству марксизма Петражицкий, вызывавший своими взглядами злобную критику Ленина¹⁸ и сам бежавший из большевистской России от неизбежных репрессий советской власти.

Какая из нормативных систем более сильна — право или мораль? Петражицкий отвечал на этот вопрос во многом традиционно для юриста: «При прочих равных условиях... сознание правового долга оказывает более сильное давление на поведение... нежели сознание чисто нравственное».¹⁹ Однако это не так: мораль, несомненно, более сильный регулятор, чем право. Внутреннее психологическое принятие правила поведения необходимо именно для нравственности, морали, но не для права, которое зачастую довольствуется внешним принуждением и уповает только на него. Поэтому воздействие на личность морали, особенно религиозной, несомненно, сильнее. При конфликтах моральной и правовой норм индивид скорее последует требованию моральной нормы, чем правовой. Даже следуя логике Петражицкого, придется признать, что нравственность действительно создает некий императив к поведению индивида в его психике, а вот особая сила правового сознания долга, по-видимому, наблюдалась лишь в психике самого Петражицкого, а у его соотечественников если и была когда-то, то за время советской власти окончательно отмерла. Это наиболее ярко видно на примере нашей неудачной борьбы с коррупцией. Действующее законодательство устанавливает весьма высокое содержание чиновников (например, судей), с одной стороны, и строгое наказание за взятки — с другой. Отчего же взяточничество так распространено? Почему же не действует в психике наших чиновников сильнейшее атрибутивное сознание правового долга не брать взятки? Причина очевидна — она в аморальности чиновников, точнее в том, что в их профессиональном сообществе получение взятки не считается аморальным действием. Скорее это получение законного вознаграждения, компенсирующего недостаточность зарплаты от государства. Да и в современном российском обществе в целом пропагандируется отнюдь не взгляд на моральность бескорыстного служения обществу за небольшое вознаграждение, а постулаты типа «деньги не пахнут», «если ты такой умный, почему такой бедный», «хочешь жить — умей вертеться», «ты мне — я тебе» и т. п. Конечно, если уважаемый человек — это человек богатый, вне зависимости от происхождения богатства, а бедный всегда презираем как неудачник, какого поведения следует ожидать от чиновников, как, впрочем, и от простых граждан, которые предлагают им взятки? Пропагандируя (употребим советское клише) «мораль чистогана», трудно ожидать бескорыстного поведения от наших чиновников. И какие бы меры ни принимало в данном случае право, без

¹⁶ См. подробнее: Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. С. 107–137.

¹⁷ Там же. С. 135.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 297.

¹⁹ Петражицкий Л. И. Теория права и государства. С. 127.

изменения морального климата в обществе любая борьба с преступностью обречена на поражение. Показателен здесь и пример из российской истории. В правление императора Николая I взяточничество чиновников приняло такие размеры, что стало хрестоматийным фактом, проникшим даже в русскую литературу ((достаточно вспомнить книги Гоголя, пьесы Островского и Сухово-Кобылина). По-видимому, общество, власть и сами чиновники не видели в этом сильно предосудительного действия с моральной точки зрения. Однако изменение морального климата в этом отношении во второй половине XIX в., когда брать взятки и предлагать их стало считаться крайне неприличным, позорным, помогло искоренить этот недуг в жизни предреволюционного российского общества.²⁰ Сама революция стала возможна именно потому, что быть в оппозиции власти и даже совершать против нее преступления в предреволюционные годы считалось высоко моральным поступком и гражданской доблестью, тогда как защищать власть или донести ей о преступной деятельности революционеров стало считаться позорным. Моральная изоляция царской власти в обществе, наряду с моральной деградацией самого российского общества, стала прологом ее неизбежного падения, а вовсе не ее незаконность или противоправность.²¹ Все эти факты доказывают, что мораль, несомненно, более сильный регулятор, чем право. Вот почему можно прогнозировать, что решить проблемы современного российского общества — рост преступности, взяточничество чиновников, упадок экономики — только правовыми средствами бесперспективно. О том, что моральная деградация общества, выражающаяся всего лишь в сексуальной распущенности его членов (что многие сегодня и аморальным-то не считают), неизбежно доводит общество до полной гибели и является подлинной причиной краха правопорядка и торжества преступности, очень ярко писал знаменитый ученик Л. Петражицкого Питирим Сорокин в своей провидческой книге «Американская сексуальная революция». Хотя предупреждение Питирима Сорокина было сделано американцам, читается оно так, будто бы сделано было нам, современным россиянам. Обширными, но очень яркими цитатами из работы нашего соотечественника мы и завершим настоящую статью. Итак, Питирим Сорокин писал следующее:

«Поскольку беспорядочная сексуальная жизнь подрывает физическое и психическое здоровье, мораль и творческие возможности ее приверженцев, то такое же воздействие она оказывает на общество, значительную часть которого составляют развратные люди. И чем больше их число и чем более развратно поведение, тем тяжелее последствия этого для всего общества. И если сексуальные анархисты составляют значительную часть его членов, то, в конце концов, они разрушают само общество».²²

«Когда беспорядочная сексуальная жизнь распространяется на большую часть членов общества, то начинается рост психических заболеваний, эмоциональных бурь и кризисов, паралича воли. Из-за паралича воли возрастает неспособность общества контролировать биологические и эмоциональные побуждения, противостоять искушениям плоти, материального богатства и комфорта, обуздывать жажду власти, выполнять тяжелые обязанности и идти на необходимые жертвы, определять свой исторический путь и следовать ему. Из самоопределяющейся и самоконтролирующейся

²⁰ *Архимандрит Константин (Зайцев)*. Чудо русской истории. М., 2000. С. 538.

²¹ *История России. XX век: 1894–1939* / под ред. А. Б. Зубова. М., 2009. С. 120–123; 269–281; 366–368.

²² *Сорокин П.* Американская сексуальная революция. М., 2006. С. 72.

общности общество вырождается в нечто пассивно плывущее вниз по течению до самого края исторической Ниагары».²³

Паралич воли, неспособность членов общества противостоять искушениям неизбежно приводит к несоблюдению законов, а затем и к ослаблению их строгости. А «когда правящая группа и общество в целом ослабляют строгость законов, — пишет Питирим Сорокин, — то обычно в течение трех поколений происходит упадок культуры, как это было на последних стадиях вавилонской, персидской, македонской, монгольской, греческой и римской цивилизаций, а также в конце Древнего и Среднего царств, Новой империи и эпохи Птолемеев в Египте».²⁴

Упадок и деградация культуры общества лишь один из ярких симптомов упадка и деградации самого общества. «Никакое законопослушное и морально сильное общество невозможно, когда многие из его членов являются эгоистичными нигилистами, поглощенными удовольствиями. Такие люди неизбежно вступают в конфликты, что приводит их к постоянному нарушению моральных и законодательных норм и бесконечному ущемлению жизненных интересов друг друга. Результатом этого является постепенное расшатывание существующего законодательного и нравственного порядка и постоянная война между членами сообщества в погоне за максимальной долей материальных благ и удовольствий. В ней постоянно нарушаются установленные законы; все больше игнорируются нормы поведения, которые в конечном итоге перестают управлять поведением человека. Общество все больше приближается к состоянию моральной анархии, когда каждый считает себя законодателем и судьей, имеющим право извращать нравственные и юридические нормы, как ему заблагорассудится. Общество с такими ослабленными моральными устоями теряет внутреннюю солидарность и гражданские добродетели, необходимые для его благополучия. Его внутренний покой все больше нарушается беспорядками и мятежами, его безопасность постоянно подрывается грубой силой преступности».²⁵

К сказанному трудно что-либо прибавить, кроме библейского: «Кто имеет уши слышать да слышит» (Матф. 11. 15). Слова, сказанные в середине прошлого века гениальным русским ученым, звучат суровым и донельзя актуальным предупреждением современной Европе, Америке и России, а также любой другой стране, где игнорирование седьмой заповеди декалога «не прелюбодействуй», как, впрочем, и иных библейских заповедей, становится распространенным. Все это подтверждает также, что обращение к правовой классике, будь то Петражицкий или Сорокин, особенно в библейском контексте, всегда поучительно и актуально.

²³ Там же. С. 76.

²⁴ Там же. С. 95.

²⁵ Там же. С. 79–80.